

УДК 070

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
СИСТЕМНОГО ДУАЛИЗМА ВЛАСТИ***Л.С. Леонтьева***Аннотация**

Современное состояние российских средств массовой информации рассматривается в статье как следствие реализации государственного проекта публичной сферы. Характер властно-медийных отношений анализируется с позиций социально-информациологического подхода. На примере актуальных законодательных нововведений, касающихся работы СМИ, и результатов опроса региональных медиаэкспертов доказано проявление государственно-корпоративистской тенденции в сфере массмедиа.

Ключевые слова: средства массовой информации, системный дуализм власти, конвергенция, ретатизация медиапространства, динамическое равновесие системы, свобода массовой информации, дегуманизация медиаконтента, доступ к информации о деятельности госорганов, социальный контроль, общественные советы в СМИ, гражданское общество.

Независимость средств массовой информации от власти в условиях российских социальных трансформаций и дихотомичности ментальности характеризуется нелинейностью и неустойчивостью. Так называемая четвертая власть через формирование таких своеобразных аттракторов, как свобода слова [1] и кажущаяся самодостаточной ценностью рынка (приватизация массмедиа), пережила ряд «вынужденных» и «внутренних» преобразований: принципиальная модификация либо закрытие прежних СМИ, самоорганизация новых медиаструктур. В соответствии с динамично изменяющейся средой медийный контент определялся различными видами исторической «борьбы»: борьбой с тоталитарным прошлым посредством «романтического» переписывания истории; борьбой за цифру рейтинга, за рекламные деньги вне нравственных норм и социокультурных обязательств; информационными войнами и потоком компромата; борьбой государства с медиаолигархами за возвращение контроля над СМИ.

Современную тенденцию ретатизации медиапространства вряд ли можно охарактеризовать как преодоление состояния неустойчивости в системе СМИ с положительной динамикой для социально-политической сферы. Переход от хаоса к порядку предполагает достижение динамического равновесия системы, ее гомеостаза, причем не как однонаправленно заданной статичности, а как «относительного постоянства», как реализующейся внутренней интенциональности по отношению к нарушающим равновесие внешним воздействиям. Любая тотально регулируемая система, добиваясь сверхстабильных форм, консервативно сопротивляется «инакомыслию», снижая тем самым возможности собственной

адаптивности и качественного инновационного развития, что немаловажно в условиях модернизации. Усложняющееся социальное бытие с массой неопределенностей, по словам И. Пригожина, «кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности» [2, с. 51].

Механизмы линейного управления, такие, как информационно-медийная вертикаль, унификация общественно-политического контента, препятствуют структурно-функциональной эволюции каждого отдельного элемента медиасистемы и не менее опасны для сохранения социосистемных признаков, чем чрезмерная медийная изменчивость и информационная восприимчивость политсистемы 90-х годов XX в.

Так называемый эволюционный дисхроноз (В.Л. Романов) свойственен отношениям между консервативными по своей природе системами (государство) и нелинейно изменяющейся средой, в которой они призваны играть упорядочивающую роль. Потеря государством управления медийной сферой, так же как намерение огосударствления этой сферы, есть «маятниковое» проявление кризиса традиционной системы одностороннего госадминистрирования. Устойчивость любой системы достигается за счет непрерывности обновляющегося становления, в основе которого – информационная составляющая. Коммуникативная парадигма власти предполагает ее способность поддерживать социально-конструктивную направленность общественных изменений и осуществлять адекватную вызовам перестройку собственной структуры. Подобная эволюционирующая устойчивость в сфере политики достигается не только за счет информационной открытости органов власти, использования медианструментов, но и посредством преодоления, по Ж. Бодрийяру, медийной «монополии слова».

Информационно-коммуникативный обмен, способность системы поддерживать во взаимодействии с внешней средой свои параметры и функции в определенном диапазоне предполагает прежде всего их четкое осознание. Отсюда следует закономерный вопрос относительно саморефлексии, самоидентификации медийного сообщества, в значительной мере обуславливающей тенденции дальнейшего становления СМИ как общественной службы или как ретранслятора политики власти, финансово-промышленных групп, рекламодателей.

Встроенность СМИ в политическую систему, общественно-политический статус данного института обуславливают функцию обеспечения как власти, так и общества информацией о деятельности друг друга. Как институт гражданского общества массмедиа призваны осуществлять социальный контроль над властью, а как институт, легитимирующий государственную политику, – апеллировать к общественному мнению, создавая позитивный имидж властных органов. И в том и в другом случае СМИ транслируют интересы и идеи определенных социальных групп и корпораций.

Учитывая, с одной стороны, коммуникативную природу власти, а с другой – сферу и природу представительских функций СМИ в государственных структурах и гражданском обществе, теоретически можно констатировать политическое служение СМИ как государственной, так и общественной власти. Однако, по результатам авторского экспертного опроса руководителей районных и городских учреждений ОАО «Татмедиа», российские СМИ выражают прежде всего интересы государственной власти (44.3%) и своих хозяев (32.8%). Народ,

конституционно закрепленный «носитель суверенитета и единственный источник власти» [3, разд. 1, ст. 3], по мнению только 16.4% респондентов, представлен в медиаполе¹. Позиционирование СМИ как инструмента административно-политических и бизнес-структур демонстрирует реальных собственников медиатического символического капитала. Как «государственные», так и частные СМИ, особенно общественно-политического профиля, независимы от власти ровно настолько, насколько это входит в политико-экономические планы их учредителей либо государственных чиновников. По мнению 52% экспертов проекта «Медиакратия.гу», политическая журналистика в России является «инструментом борьбы за власть политтехнологов». В подобной ситуации функционировать как «public service» (Д. Кин) журналистика способна только при наличии «доброй воли» тех или иных властных акторов. Например, главный редактор газеты «Новые известия» В. Яков в интервью «Радио Свобода» образно охарактеризовал феномен «Новой газеты» как «заповедник, специально созданный и тщательно сохраняемый той же властью» с целью «продемонстрировать миру, что у нас все в порядке со свободой слова» [4].

Подобная двойственность властно-медийных отношений является яркой демонстрацией поддержания так называемого *системного дуализма* российской власти. Это общественно-политическое явление, по определению С.П. Перегудова, представляет собой процесс конвергенции централизованной политической власти, с одной стороны, и «структурной», «горизонтальной» власти бизнеса и организаций гражданского общества – с другой [5, с. 95]. В сфере масс-медиа системообразующей чертой корпоративных отношений является участие в распоряжении и владении медийной собственностью госуправленческих и хозяйствующих субъектов, что свидетельствует о встраивании медиабизнеса в вертикаль власти.

Государственно-корпоративистская тенденция проявляется в подконтрольности крупного бизнеса и институтов гражданского общества власти, их лимитированном участии в политике при одновременном осуществлении государственных мер по поддержанию этих акторов «на плаву» во имя сохранения удобного для власти системного «баланса». «Ограниченные определенными рамками, но реально существующие гражданские организации – это необходимый элемент Системы, без которого она утратит устойчивость и не сможет функционировать», – утверждает С.П. Перегудов [5, с. 95]. Следовательно, СМИ как институт гражданского общества должны обладать определенной степенью свободы для поддержания гомеостаза системы. Однако если государство и гражданское общество функционируют по принципу дополнительности, как два модуса социального бытия, то даже при наличии допущенных «свобод» независимость институтов гражданского общества, в том числе и СМИ, от государства следует рассматривать как мифическую. Кремлевские проекты гражданских корпоративных организаций и фондов демонстрируют, с одной стороны, патернализм к слабо функционирующим институтам гражданского общества, чьи функции

---

¹ Экспертный опрос был проведен в г. Казани Академией государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан 14–22 ноября 2006 г., в нем принял участие 61 человек. Результаты обработаны и проанализированы при помощи программного пакета SPSS. Интерпретация данных осуществлена на основе таблиц одномерного и множественного распределения информации.

частично берет на себя власть, а с другой, западной стороны – наличие «переговорных площадок» и общественного контроля. В любом случае в массовое сознание, фрустрированное событиями эпохи перемен, внедряется паттерн власти как источника трансцендентных ценностей, что вполне отвечает архетипам российской ментальности.

Двойственность «властно-государственного» контекста обуславливает характер социокоммуникативных действий, особенности статуса и социального назначения СМИ. В рамках настоящей статьи неоднозначный термин «контекст» понимается как «способ нахождения адресатом алгоритма, позволяющего вывести из непосредственно предъявляемых ему высказываний их неявно представленное, глубинное содержание (комплекс возможных последствий)» [6, с. 54]. Медиа-«адресаты» в соответствии с собственным алгоритмом интерпретации властных посылов выстраивают адекватный «возможным последствиям» социально обусловленный способ функционирования, подменяя роль коммуникатора между властью и обществом ролью имитатора общественного дискурса и социального партнерства.

Рассмотрим наиболее актуальные аспекты процесса «вертикально-горизонтальной» конвергенции через призму реализации основополагающего медийно-политического принципа свободы массовой информации.

Категория свободы в ее дихотомической связи с ответственностью означает как конституционное запрещение цензуры, так и государственно-общественные ограничения деятельности СМИ. Рыночное понимание «свободы», дегуманизация журналистских материалов порождают терпимо-позитивное отношение общества к цензуре, к введению государственных контролирующих органов. В ежегодном докладе Общественной Палаты РФ подчеркивается, что около 2/3 всех обращений граждан в федеральные министерства, отвечающие за регулирование медиасферы, содержат требования «прекратить беспредел» на телевидении [7, с. 71]. По результатам опросов ВЦИОМ, необходимость государственной цензуры российских СМИ поддерживают 58% опрошенных и только 24% убеждены, что цензура противоречит правам человека [8]. С одной стороны, значительная часть российской общественности одобряет выстраивание властной медийной вертикали, введение ограничений по соображениям этичности и политкорректности, применение административных санкций к недобросовестным журналистам. С другой стороны, власть не может не учитывать мнения «несогласной» части населения и «демократической» западной общественности, для которой любое законодательное ограничение массмедиа является информационным поводом для очередной массовой акции под лозунгом «Нарушение прав человека в России».

По международным рейтингам последних лет Россия получает однозначный статус несвободной страны: 2006 г. – 147-е место из 168 (международная организация «Репортеры без границ»); 2007 г. – 164-е место из 195 и 2008 г. – 170-е место по ежегодным докладам неправительственной американской организации «Фридом Хаус» (Freedom House) [9]. Гиперконтроль власти, отмеченный в указанных рейтингах, создает стране имидж недемократической державы. В соответствии с Резолюцией № 1636 (2008) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Индикаторы СМИ в демократическом обществе» «национальные парламенты

должны регулярно составлять доклады о состоянии свободы СМИ в своих странах» [10, п. 8.27]. Руководствуясь рекомендациями-принципами ПАСЕ, а также принимая во внимание необходимость решения имиджевой проблемы, Общественная палата РФ совместно с ВЦИОМ разработали критерии измерения индекса свободы слова в российских регионах. В пилотном режиме исследования были проведены в Воронежской и Новосибирской областях, базовый индекс свободы слова составил соответственно 55.1 и 60.1 балла из ста возможных [11]. Методика ВЦИОМ базируется на результатах опроса экспертов и рядовых потребителей СМИ. Президент Фонда защиты гласности А. Симонов правомерно настаивает на необходимости введения дополнительного оценочного параметра – контента отечественных СМИ (в регионах до 85% информации посвящено власти и лишь около 20% – обществу [12]). Предложение Общественной Палаты РФ внести пункт об индексе свободы слова в президентский список 127 критериев оценки качества управления регионами выводит «общественные» пожелания на уровень губернаторской заинтересованности. В результате одним из аспектов проявления «государственно-гражданской конвергенции» выступает оценка эффективности государственно-муниципальной деятельности через призму медийной свободы.

Реализация принципа свободы массовой информации предполагает прежде всего доступ к информации, возможность ее производства и распространения. К социально значимой максимально востребованной информации относится информация о деятельности органов власти, что обусловлено функционально-целевым назначением госаппарата. Однако из всех «информационных прав» реализация права на доступ к информации о деятельности органов государственной власти в России является наиболее проблематичной. По данным общероссийского опроса Института развития свободы информации (март 2008), лишь 11.1% респондентов считают, что данное право соблюдается полностью (61.7% – частично; 14% – не соблюдается) [13, ч. 2, с. 30]. Экспертное интервьюирование сотрудников органов власти (май – июль 2008 г.) продемонстрировало противоположную точку зрения: проблемы доступа не существует, поскольку «право на информацию» обеспечивается уже самим фактом существования и функционирования формальных способов ее предоставления и распространения [13, ч. 4]. В интервью профессиональных пользователей права на доступ к информации о деятельности государственных органов (ноябрь – декабрь 2007 г.) утверждается наличие асимметрии в отношениях с чиновниками, которая характеризуется следующими чертами: доминирование власти (административный и информационный ресурсы); собственный статус просителя, а не пользователя; отсутствие действенных механизмов влияния на держателя информации; проблема отписок. Журналисты, как профессиональные пользователи и распространители информации, акцентируют внимание на невозможности проверить достоверность сведений, предоставляемых органами власти, на блокирующем механизме и сужающей правомочия аккредитованного специалиста системе пропусков по приглашениям [13, ч. 3]. Учитывая, что именно СМИ являются эффективным каналом трансляции, органы власти посредством деятельности «своих» массмедиа контролируют процесс предоставления и распространения отфильтрованной информации, возлагая ответственность за информированность населения

на журналистов. «В итоге, – подчеркивается в Национальном докладе Института развития свободы информации, – право граждан на доступ к информации о деятельности органов власти превращается в механизм для реализации пропагандистских намерений органов власти. Граждане вместо **социально важной информации** о деятельности органов власти получают имитацию – **информацию о социальной важности** деятельности органов власти» [13, ч. 4, с. 48].

В связи с этим наиболее актуальной законодательной инициативой, поддерживающей «гражданскую горизонталь» при соблюдении интересов «властной вертикали», является Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [14]. Многолетняя история «прохождения» этого законопроекта (подготовлен Минэкономразвития еще в 2003 г., принят Госдумой в третьем чтении 21 января 2009 г.) свидетельствует о сложности принятия властью идеи информационной открытости. Долгожданный закон не просто декларирует право, он определяет порядок доступа к официальной информации посредством предоставления сведений конкретному лицу (по запросу) и распространения информации для неограниченного круга лиц (опубликование в СМИ).

По данным ранее упомянутого общероссийского опроса Института развития свободы информации, 70.9% респондентов считают нужным объяснять должностным лицам госорганов причину необходимости получения запрашиваемой информации. Подобная ситуация обусловлена не только патерналистскими элементами ментальности, договорным характером отношений с властью, но и практикой реализации властных полномочий. Отсутствие четкого законодательного механизма позволяло представителям власти ограниченно интерпретировать «свободу доступа» как право граждан только на ту информацию, которая непосредственно затрагивает их права и обязанности. Граждане и их ассоциации в данном контексте выступают «группой прошения», а не «группой давления», что вполне соответствует российскому властному «дуализму». С момента вступления закона в силу граждане обретают право на доступ к любой информации, созданной или полученной органами власти и подведомственными им организациями в процессе их деятельности [14, ст. 1, 8]. Исключение – информация ограниченного доступа [14, ст. 5].

Если специального нормативного акта, содержащего механизм реализации «свободы доступа» граждан, до сих пор не существовало, то механизм поиска и получения официальной информации журналистами и редакциями СМИ регламентируется с 1991 года Законом «О средствах массовой информации» № 2124-1. Тем не менее, превентивное противодействие свободному распространению информации о деятельности госорганов с конца 90-х годов является патологической нормой с избирательным характером действия. Нежизнеспособность законодательных норм в части доступа к информации объясняется правовым нигилизмом российских граждан, в том числе государственных служащих и журналистов, отсутствием развитой системы внесудебного разрешения информационных споров, обтекаемыми формулировками об обязанности предоставления информации, отсутствием определения общественно значимой информации. В русле наметившейся тенденции к информационной открытости, связанной с антикоррупционными мероприятиями, законодателями утверждены поправки

к закону о СМИ [15, ст. 38, 39], регламентирующие порядок предоставления редакциям информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (запросы, пресс-конференции, рассылка справочных, статистических материалов и иные формы). Единые правила предполагают равенство условий доступа к информации для всех СМИ независимо от их позиции по отношению к органам власти. При этом исполнение буквы закона, а значит, отсутствие явной медиадискриминации, не исключает практики информационных льгот для особо приближенных, а также возможности передачи инсайдерской информации. В соответствии с законопроектом № 145626-5 «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» [16, ст. 5, п. 2; ст. 6, п. 1, пп. 1; ст. 19, п. 2] СМИ могут быть признаны «вторичными инсайдерами», а значит – привлечены к ответственности за манипулирование рынком. В случае принятия данной законодательной инициативы «обнародование любой негативной информации о деятельности госорганов объявляется вне закона» [17]. В результате получается, что именно пресса, а не правительство несет ответственность за неблагоприятное состояние дел в финансовой, социально-экономической и других сферах.

Углубление позиционного конфликта между СМИ и властью особенно опасно в период финансового кризиса, когда СМИ обязаны во имя сохранения социосистемной целостности в полной мере выполнять функции посредника между государством и обществом. Полноценность функционирования СМИ должна обеспечиваться прежде всего доступом к «антикризисной» информации. Однако контроль над обеспечением свободы доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления возложен не на компетентные независимые в принятии решений комиссии, а на сами органы власти [14, ст. 24]. К тому же редакционная «независимость» от учредителей, бюрократическая процедура регистрации обуславливают феномен самоцензуры журналистского сообщества, корпоративную селекцию общественно-политической информации, предназначенной для обнародования. Более того, сама власть в духе системного дуализма, одной рукой даруя закон о свободе информации, другой сдерживает использование механизмов ответственности за нарушение основных положений этого закона [14, ст. 25]. Административная ответственность для должностных лиц за незаконный отказ в предоставлении информации, за нарушение сроков размещения информации на официальных сайтах, за незаконное отнесение сведений к категории ограниченного доступа предусмотрена новыми статьями Кодекса об административных правонарушениях. Однако законопроект о внесении изменений в Кодекс был принят Государственной Думой в первом чтении в апреле 2007 г. и с тех пор не рассматривался. В результате между информационным законодательством и правоприменительной практикой вполне возможны противоречия, сужающие спектр общественных ожиданий от информационно-медийной деятельности в условиях законодательных нововведений.

Если ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» определяет механизмы осуществления общественного контроля и реализации открытости власти,

то социальный контроль над СМИ, экспертизу медиаконтента по критерию нравственности призваны осуществлять общественные советы.

В плане должного – создание общественных, наблюдательных советов непосредственно на телеканалах с целью снижения зависимости редакционной политики от рекламы и рейтингов, что, безусловно, актуально. В плане сущего, исходя из наличных условий бытия: состояния экономики, властной и медийной вертикалей, гражданского общества и журналистики, – не исключено получение очередной имитации решения проблемы. О высокой доле скепсиса относительно эффективности общественного контроля свидетельствуют результаты авторского экспертного опроса сотрудников ОАО «Татмедиа». Категоричное отрицание своевременности формирования подобных структур весьма распространено (41%), хотя и не больше, чем поддержка необходимости негосударственных антикризисных управляющих (59%). Общественные контролирующие органы «нужны и они должны быть сформированы», убеждены 32.8% региональных экспертов, поскольку полагают, что гуманизация и этичность контента способны избавить СМИ и общество от очередных «поправок Р. Шлегеля». Механизмы систематического функционирования, реальные полномочия, финансовая, административная независимость подобных советов требуют законодательного закрепления.

В течение 2008 г. широко обсуждалась законодательная инициатива, предусматривающая создание Общественного совета по нравственности в кино и на телевидении. ФЗ № 90051824-3 «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в РФ», прошедший первое чтение в Государственной Думе 11 февраля 1998 г., вновь внесен на рассмотрение с незначительными изменениями [18]. Несмотря на поддержку инициативы по формированию общественных советов Президентом РФ и успешные экспериментальные заседания предполагаемых членов совета, избранных в результате интернет-голосования, Общественная Палата РФ в своем экспертном заключении (протокол опроса членов ОП РФ 341-П от 21 ноября 2007 г.) законопроект не одобрила, а Государственная Дума РФ сняла с рассмотрения (14 января 2009 г.) [19]. Основные причины отклонения аналогичны прежним аргументам. Во-первых, законопроект наделяет Высший совет функциями исполнительной и судебной власти. Во-вторых, предполагаемое участие палат Федерального Собрания в формировании Высшего совета [18, ст. 5, п. 1] является нарушением положений Конституции РФ, устанавливающих полномочия палат ФС РФ.

Таким образом, Высший совет предстает в законопроекте отнюдь не общественным, а зависимым от государственной власти административным органом, устанавливающим критерии нравственности и нормы соответствия им телерадиоматериалов. Между тем нравственность, как основа внутренней самоорганизации общества, представляет собой этическую часть мироотношения индивида, всех идеологических систем общества. «Государственно утвержденная» нравственность сродни государственно утвержденной идеологии, что является прямым нарушением конституционных принципов плюрализма, запрета на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной [3, ст. 13]. В результате благая идея создания общественного совета концептуально трансформировалась в русле российской «государственно-гражданской конвергенции».

Табл. 1

		Считаете ли Вы, что Татарстан насыщен информационной продукцией				Всего
		Да	В достаточной мере	Перенасыщен	Нет информации	
Необходимо ли обсуждение в СМИ социально значимого события с различных позиций	Да	18 29.5%	33 54.1%	3 4.9%	5 8.3%	59 96.8%
	Затрудняюсь ответить	1 1.6%	1 1.6%			2 3.2%
Всего		19 31.1%	34 55.7%	3 4.9%	5 8.3%	61 100.0%

Реализация независимого социального контроля над СМИ, а через них – над властью, ориентирует медийно-политических субъектов задействовать «внешнюю», вынужденную ответственность при отсутствии внутреннего, нравственного императива. Механизмом внешнего «принуждения» властных структур к социально ориентированной ответственной деятельности является свобода массовой информации, которая продуцирует такие параметры медийной среды, как информационная насыщенность, разнообразие социально-политических позиций и достоверность медиаконтента. Рассмотрим экспертное видение медийной ситуации по перечисленным параметрам в Республике Татарстан.

Подавляющим большинством экспертных голосов Татарстан признан информационно насыщенным регионом с актуальной общественной потребностью в медиаобсуждении социально значимых событий с различных точек зрения (см. табл. 1). Однако между количеством медийных акторов и качественным многообразием продукции нет прямой зависимости. Причинами «парадокса разнообразия» являются как объективно-рыночная тенденция к гомогенизации содержания медиа, так и проекция властной вертикали на медиaproстранство.

К основным политико-экономическим факторам, снижающим качественное разнообразие, а значит, развитие разумной конкуренции между СМИ, эксперты относят «зависимость от администрации» – 26.2% и «неумение работать в условиях рынка» – 21.3% (см. табл. 2).

Если приспособление к рынку «символической продукции» (П. Бурдые) – дело времени, маркетинга и менеджерского профессионализма, то «зависимость от администрации» – более постоянный фактор, обусловленный должностным статусом респондентов¹. Отсутствие массмедийной свободы выбора объясняется необходимостью сохранения социально-экономического статуса и имиджа издания посредством должного, например, проправительственного контента. Президент РФ Д.А. Медведев в своем берлинском выступлении (7 июня 2008 г.) заявил, что если ранее СМИ нужно было защищать от порабощения

¹ Зависимость есть обусловленное отношение, долженствование мыслей/действий как привнесенное извне (навязанное), так и определенное внутренней потребностью (патологией) социального организма.

Табл. 2

При инфонасыщенности что мешает развитию разумной конкуренции между СМИ	Количество человек	Процент (действительный процент)
Зависимость от администрации	16	26.2 (26.2)
Протекционная политика администрации по отношению к своим СМИ	6	9.8 (9.8)
Несовершенство законодательства	3	4.9 (4.9)
Низкая платежеспособность населения	12	19.7 (19.7)
Неумение работать в условиях рынка	13	21.3 (21.3)
Ничто не мешает	11	18.0 (18.0)
Всего	61	100.0 (100.0)

частными компаниями, то сейчас – от посягательств административного аппарата на разных уровнях [20].

Редакционно-информационная политика конкретного медийного издания изначально обусловлена позицией «властвующего» субъекта (владелец, учредитель, главный редактор, редакционный совет). Всего лишь 4.9% респондентов отрицают влияние владельца медиа на отбор новостей и характер комментариев. По мнению 27.9% респондентов, их отношение к сообщению СМИ зависит от личности «владельца данного издания, канала», по мнению 23% – от «соучредителя, органа власти». Хотя, как известно, Законом «О средствах массовой информации» вмешательство в профессиональную деятельность редакции со стороны учредителя не допускается [1, ст. 18, 19]. Минимальное внимание эксперты уделили собственно журналистской позиции (21.3%), предполагая, очевидно, идейную несамостоятельность творцов контента, которая, на наш взгляд, является кризисным симптомом, так как журналистика начинается там, где есть возможность комментария и выражения авторской позиции.

Относительная свобода медиареципиента проявляется в сопоставлении различных точек зрения, создающих информационное поле для анализа, рефлексии и самостоятельных выводов. Адекватность результатов данных интеллектуально-психологических усилий зависит от качества медиапродукции. Однако лишь 27.9% экспертов признали почти стопроцентную достоверность медиаинформации, 65.6% опрошенных половину информации в сообщениях СМИ определили как недостоверную, обуславливающую деформацию общественных представлений о сущности социально-политического процесса.

Неадекватность действительности, представленной в контенте массмедиа, вынуждает экспертов отнести «недостоверность, неполноту информации» (11.5%) к числу основных проблем российских СМИ наряду с «невозможностью высказать в СМИ собственную, частную точку зрения» (23%). Слабая выраженность «параметров свободы» свидетельствует о доминировании в сфере СМИ административно-финансовых акторов. Вполне логично в этой связи, что,

Табл. 3

		Может ли информация в СМИ стимулировать какие-либо практические действия человека			Всего
		Нет, никогда	Возможно, но маловероятно	Да, безусловно	
Правомерно ли самопозиционирование СМИ как «четвертой власти»?	Да		5 (8.2%)	20 (32.8%)	25 (41.0%)
	Нет	1 (1.6%)	15 (24.6%)	19 (31.2)	35 (57.4%)
	Затрудняюсь ответить			1 (1.6%)	1 (1.6%)
Всего		1 (1.6%)	20 32.8	40 65.6%	61 100.0%

несмотря на признание практической действенности информационных посланий (65.6%), российские СМИ большинством экспертных голосов не определены как «четвертая власть» (табл. 3).

По определению Ю.А. Нисневича, «“Четвертая власть” – это публичная власть мнения гражданского общества, формируемого им самостоятельно и выражаемого через традиционные СМИ и другие средства массового информирования...» [21, с. 80]. Если гражданское общество характеризуется как слабое, управляемое и поддерживаемое властью для «системного баланса», то и СМИ как институт гражданского общества наделены теми же далеко не «властными» признаками. С одной стороны, влияние СМИ базируется на самом факте существования гражданского общества, с другой стороны, исполняя миссию общественного служения, именно СМИ формируют гражданское общество в процессе «производства смыслов», воздействуя публицистическим, информационно-аналитическим контентом. Реализация государственного проекта публичной сферы обуславливает востребованность «управляемой» журналистики, призванной сгладить негативные эффекты от непопулярных решений правительства посредством информационного «зачехления» и «каузального дефицита» (Г.Г. Дилигенский) в области общественно-политического информирования.

Таким образом, в контексте конвергенции государственно-бюрократических и свободно-рыночных отношений госаппарат осуществляет фактическое огосударствление СМИ с целью ослабить влияние публичной власти до уровня, обеспечивающего стабильность социально-политической системы. Границы, за которыми – дисбаланс системы, предполагают как ограничения, так и свободы. Отсюда следует двойственность властного отношения к законотворчеству и практике в сфере СМИ. Такие демократические характеристики медиaprостранства, как информационная насыщенность, достоверность информации, свобода доступа, разнообразие мнений, конкуренция, объективно существуют, создавая определенный уровень свободы массовой информации, но ровно в той мере, в какой это допускает власть для сохранения «свободной лояльности» общества.

Государственно-корпоративистская тенденция, рассмотренная в статье на примере актуальных законодательных нововведений в СМИ и опроса региональных медиаэкспертов, деформирует функционирование как государственных,

так и медийных институтов. Продуцируя, в контексте системного дуализма власти, формально стабилизирующие импульсы, институт СМИ усиливает системную стагнацию, нарушая тем самым «эволюционирующую устойчивость» в поле политики.

Summary

L.S. Leontyeva. Mass Media under Systemic Dualism of Political Power.

The present situation in Russian mass media is considered in the article as a consequence of realization of the state project in public sphere. The nature of the relations between political power and mass media is analyzed within the social-informatiological approach. Recent legislative innovations regarding mass media and the results of questioning of regional media experts demonstrated the state and corporatist tendency in this sphere.

Key words: mass media, systemic dualism of political power, convergence, reetatisation of mass media, system's dynamic equilibrium, freedom of mass information, dehumanization of media content, access to information about the activity of public service, social control, public councils in mass media, civil society.

Литература

1. О средствах массовой информации: Закон Рос. Федерации; Постановление Верховного Совета Российской Федерации о порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [27 дек. 1991 г.]. – М.: Республика, 1992. – 46 с.
2. *Пригожин И.Р.* Философия нестабильности // *Вопр. философии.* – 1991. – № 6. – С. 46–52.
3. Конституция Российской Федерации. – Москва: Омега-Л, 2009. – 39 с.
4. Журналистская совесть. – 2009. – 3 февр. – URL: <http://www.gipp.ru/openarticle.php?id=26478&type=2>, свободный.
5. *Перегудов С.П.* Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути? // *Полис.* – 2008. – № 1. – С. 91–108.
6. *Гусев С.С.* Ситуативность коммуникативных действий // *Вопр. философии.* – 2008. – № 7. – С. 51–60.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в РФ. – М.: ОП РФ, 2008. – 88 с.
8. Цензура в СМИ: за и против // *ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 980.* – 2008. – 18 июня. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10282>, свободный.
9. Разорванная профессия. Приложение 1, 2 // *Новая газ.* – 2007. – 4 июня. – № 41.
10. Резолюция № 1636 (2008) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Индикаторы СМИ в демократическом обществе». – URL: http://www.medialaw.ru/laws/other_laws/european/1636.htm, свободный.
11. В России измерили свободу слова // *Рос. газ.* – 2008. – 1 июля. – URL: <http://www.rg.ru/2008/07/01/op-anons.html>, свободный.
12. Формула свободы слова. – 2009. – 26 авг. – URL: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/124424.html>, свободный.
13. Национальный доклад о доступе к информации о деятельности органов государственной власти в РФ: в 5 ч. – СПб: ИРСИ, 2008. – URL: <http://www.ifap.ru/library/book351.pdf>, свободный.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Рос. газ. – 2009. – 13 февр. – URL: <http://www.rg.ru/2009/02/13/dostup-dok.html>, свободный.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений в статьи 38 и 39 Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”» // Рос. газ. – 2009. – 11 февр. – URL: <http://www.rg.ru/2009/02/11/smi-izmenenia-dok.html>, свободный.
16. Проект Федерального Закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком». – URL: www.utpp.msk.ru/Files/aktualnoe_zakonodatelstvo/Proekt_FZ_insaideri.RTF, свободный.
17. Самарина А., Родин И. Это страшное слово – инсайд // Независимая газ. – 2009. – 21 янв. – № 009 (4641).
18. Проект ФЗ № 90051824-3 «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в РФ». – URL: http://www.duma.gov.ru/cult-tur/zakonoproekt/90051824_3.htm, свободный.
19. Экспертное заключение Общественной палаты РФ на проект федерального закона № 90051824-3 «О Высшем совете по защите нравственности в области телевизионного вещания и радиовещания в Российской Федерации». – URL: <http://www.oprf.ru/expert/views/>, свободный.
20. Первый визит президента Медведева в Германию // РИА Новости. – 2008. – 6 мая. – URL: <http://www.rian.ru/society/20080605/109334831.html>, свободный.
21. Нисневич Ю.А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы // Вестн. РУДН. Сер. Политология. – 2006. – № 1 (6). – С. 68–80.

Поступила в редакцию
07.12.09

Леонтьева Людмила Станиславовна – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: ls13@yandex.ru; lcl@nm.ru